

— Мы нашли заместителя Сюя!

На рассвете стражи Цзиньвэй в императорском саду за декоративной горкой обнаружили большую лужу крови, тихо растекавшуюся по земле.

В груди Юньци торчал меч Сючунь Тоба Фэна. Лезвие, загадочным образом пройдя между внутренними органами, вышло со спины, пригвоздив его к камню. Застрявший между рёбрами клинок удерживал его тело.

Жун Цин вдохнул воздух и заорал:

— Скорее! Зовите императорских врачей!

Юньци потерял слишком много крови, и его лицо побледнело. Он пролежал в постели несколько дней, страдая от жара.

После обсуждения императорские врачи установили, что его жизни ничего не угрожает, но из-за сильной кровопотери и огромного расхода сил организм истощен.

Чжу Юаньчжан раскрыл медицинское заключение придворных врачей. Чжу Ди стоял в зале, засунув руки в рукава, и время от времени поглядывал на выражение лица Жун Цина.

Чжу Ди заговорил:

— Во всем виноват этот сын*. Он лишь думал, что у этого тюркского пса нет ни отца, ни матери, потому и взял его во дворец на службу. Он не ожидал, что этот дикий... что этот человек окажется связан с Северной Юань и едва не погубит Юньвэня.

* Специальное обращение детей императора к себе при разговоре с императором или императрицей (□□).

Чжу Юаньчжан задумался и долго молчал, а затем произнёс:

— Жун Цин, выйди.

Когда Жун Цин вышел, Чжу Ди тихо сказал:

— Отец, Юньци и Юньвэнь выросли вместе. Если... боюсь, это охладит сердца всех стражей Цзиньвэй, да и самого Юньвэня, и Сюй Вэнь тоже.

— Вэнь-эр и Юньци — дети одной матери, оба рождены наложницей... Отец, в этом году и так

погибло слишком много людей. Оставьте семейству Сюй хоть кого-то для возжигания благовоний*.

* В Древнем Китае существовала практика поклонения предкам и считалось, что только сыновья могут продолжить род, поэтому «оставить кого-то для возжигания благовоний» — оставить сына в живых, чтобы он продолжил род и возжигал благовония в будущем.

Чжу Юаньчжан отложил доклад и кивнул.

Командир Тоба Фэн, совершив преступление, караемое смертью, под страхом наказания скрылся, заместитель командира Сюй Юньци получил тяжелые ранения, а Чжан Цинь пал, отдав жизнь за родину.

За год высокомерные и своевольные Цзиньивэй понесли потери, лишившись двух членов личного состава, и теперь злые псы были вынуждены поджать хвосты и не высовываться. Жун Цин не обладал ни достаточной уверенностью в своих силах, ни авторитетом, чтобы взять на себя ответственность. Тем более он не мог сравниться в знатности происхождения с Юньци.

Против Тоба Фэна так и не было окончательно выдвинуто обвинение, и никто не мог сказать, когда у Чжу Юаньчжана испортится настроение и он прикажет казнить всех сорок восемь стражей Цзиньивэй. Теперь их будущее целиком зависело от Юньци.

Юньци, ещё не оправившись от ран, полулёжа дремал на бамбуковом стуле под крытой галереей, греясь на солнце.

Наступила осень, пора было готовиться к зиме.

— Юнь-гэ-эр, — один из стражников улыбнулся, — если ты такой вялый, то и остальные ребята будут ходить словно изнуренные болезнью. Выше нос. Может, пройдем в комнату и сыграем в го?

Юньци потер виски и ответил:

— Го утомляет мозг. Я погреюсь ещё немного на солнце, а потом зайду.

Послеполуденное солнце мягко согревало тело. Стражник снова заговорил:

— Разве у семьи Сюй нет железной жалованной грамоты? Твой отец — заслуженный государственный деятель. История с Лао Ба не должна нас коснуться, не накручивай себя.

Юньци усмехнулся:

— Эта штука у моего второго брата, в Янчжоу. Если император действительно захочет меня казнить, разве ты успеешь, мчась во весь опор, сгонять за защищающей от смерти золотой пайзой?

Стражник рассмеялся, как вдруг со двора донесся голос:

— Сунь Тао! Смеешь шутить об императорской железной жалованной грамоте? Меня не было здесь всего год, а во дворе уже творится полный беспредел*?!

* Досл. «[не признавать] ни закона, ни велений неба» (□□□□).

Сунь Тао тут же в ужасе воскликнул:

— Учитель Цзян здесь!

Цзян Хуань, уже больше года как покинувший должность, впервые за это время появился в резиденции Цзиньивэй. В мгновение ока двери распахнулись, и стражи один за другим поспешно выбежали во двор, выстроившись в ряд.

Юньци второпях поднялся:

— Шифу, что вас сюда привело?

С этими словами он бросил взгляд на человека, следовавшего за Цзян Хуанем — им оказался Чжу Ди.

Цзян Хуань прошёл через двор, и, когда Юньци уже собирался проводить гостей в зал, тот вдруг сказал:

— Принесите два бамбуковых стула, посидим прямо здесь.

Пока он говорил, стражники уже бросились за стульями и чаем. Цзян Хуань внезапно рявкнул на одного из них:

— Ли Юй! Почему ты так неряшливо одет?! Где твой головной убор?!

Названный по имени чуть не лишился чувств от страха и, неоднократно извиняясь, бросился в комнату искать свой головной убор стражника.

Вскоре Юньци выстроил всех во дворе. Между двумя бамбуковыми стульями под галереей поставили чайный столик. Первым занял место Янь-ван Чжу Ди, и лишь тогда Цзян Хуань сел.

Окинув взглядом несколько десятков своих воспитанников, он с насмешкой произнёс:

— Тоба Фэн оказался двуличным негодяем, в лицо говорил одно, а за спиной делал другое. Как я вас наставлял раньше?!

Юньци поклонился:

— Шифу прав в своих наставлениях. За год вашего отсутствия братья и вправду расслабились.

Цзян Хуань сурово произнёс:

— Сунь Тао, шаг вперёд! Что я говорил Тоба Фэну и вам всем перед отставкой?

Сунь Тао нервно сделал шаг вперёд и ответил:

— Учитель Цзян наставлял: «В жизни, как и в военном деле, следует помнить слова из «Искусства войны» Сунь-цзы: «Будь стремителен, как ветер, спокоен и медлителен, как лес, вторгайся и опустошай, как огонь, будь неподвижен, как гора, непроницаем, как мрак и быстр, как удар грома»*.

* Пункт 8 главы 7 «Искусства войны».

Цзян Хуань усмехнулся:

— Взгляните на себя сейчас. «Неподвижен, как гора»? Кто из вас этого достиг?! Каким образом Тоба Фэн держал вас в узде?!

Стражи Цзиньивэй все разом задрожали, выпрямив спину.

Цзян Хуань с насмешкой продолжил:

— Целыми днями панибратствуете, веселитесь с улыбкой до ушей — прямо банда разбойников! Сброд! Стадо баранов! Пользуетесь императорским мечом, словно ватной хлопущкой, вот какими стали нынешние Цзиньивэй?!

— Двадцать четыре гвардии! И Цзиньивэй первые среди них! А теперь взгляните на себя, взгляните... — Цзян Хуань с силой поставил чашку, резко подошёл вплотную, схватил одного за ворот и выдернул из строя, яростно продолжив: — Кроме как быть вешалками для одежды и содержанцами*, да лупить батогами безоружных ученых, которые и курицы не могут связать, — есть в вас хоть капля мужского духа?! Ба-бы!

* Жиголо, альфонс, фаворит, молодой любовник(□□□).

Не в силах сдержать ярость, он пнул несчастного, свалив того на землю.

Цзян Хуань обладал непререкаемым авторитетом, и когда он разозлился, во дворе воцарилась гробовая тишина. Осмелиться вставить слово мог лишь сидящий рядом князь.

Чжу Ди, видя, как старик налился краской, испугался, как бы того не хватил припадок, и он рухнул на землю прямо посреди наставления. Чтобы избежать неприятностей, он поспешил его успокоить:

— Цзян-лао, не гневайтесь. Нынешние времена не те, что... прежде. Вредить здоровью — нехорошо, нехорошо.

Чжу Ди хихикнул и усадил Цзян Хуаня обратно на стул. Тот глухо проговорил:

— Я пришел сегодня не для того, чтобы вас отчитывать. Просто накопело, и не смог сдержаться. Теперь к делу. Сюй Юньци, шаг вперед.

Юньци выступил вперед и четко ответил:

— Этот ученик здесь.

Цзян Хуань, поглаживая бороду, внимательно осмотрел Юньци и затем спросил:

— Сколько лет ты и Тоба Фэн были соучениками?

Юньци внутренне встревожился и ответил:

— С того времени, как я в четыре года вошел во дворец, до сегодняшнего дня —тринадцать лет.

Цзян Хуань сказал:

— Тринадцать лет... Как ты относился к своему шисюну?

Юньци дрожащим голосом произнес:

— В ту ночь шисюн отравил... тайно пытался убить внука императора...

Цзян Хуань в гневе воскликнул:

— Ты вступил с ним в смертельную схватку и обнажил против него меч, так или нет?!

Юньци ответил:

— Да! Но в той ситуации шисюн совершил тяжкое преступление. Если бы я отпустил его, Юньци проявил бы неверность*...

* Неверность — 不忠. Верность (忠) — одна из ключевых этических ценностей, насаждаемая конфуцианством, и относится специфически к верности императору. Начиная с эпохи династии Сун верность (忠) в определённой степени стала олицетворять моральную обязанность подданного беспрекословно повиноваться своему государю.

Цзян Хуань сказал:

— Однако, выхватив из-за пояса меч Сючунь и подняв руку на своего шисюна, ты проявил бесчестие*!

* Праведность, справедливость (義) — другая из ключевых этических ценностей, насаждаемая конфуцианством. Она означает проявление гуманности и приверженность идее братства / солидарности.

Юньци глубоко вдохнул и ответил:

— Шифу, невозможно одновременно быть верным и честным.

Цзян Хуань сказал:

— Хорошо! Сегодня тебя побьют именно за то, что быть верным и в то же время честным невозможно! Принесите металлический посох!

Стражники оцепенели от ужаса. Цзян Хуань, не теряя грозного вида, добавил:

— Что, никто не слушает? Или мне самому идти за ним?!

Несколько стражей поспешили в зал и принесли два железных прута толщиной с детскую руку. Цзян Хуань всегда был строгим учителем, и каждый из юных стражей Цзиньвэй, попадая во дворец на обучение, не избегал болезненных ударов этими прутьями. Каждый раз доходило до кровавых ран*.

* Досл. «кожа лопнула, и мясо обнажилось» (□□□□) — обр. о жестоких побоях.

Однако Юньци с детства не испытывал на себе вкус этого металлического посоха.

— Раньше Тоба Фэн всегда принимал удары вместо тебя. Теперь очередь заместителя командира Сюя самому испытать это на себе, — ледяным тоном произнёс Цзян Хуань. — Держите его. Восемьдесят ударов. Начинайте!

Стражники будто громом поражённые стояли, но Юньци сам лег, закрыл глаза и сказал:

— Бейте. Только не сдерживайте силу.

Двое стражей с посохами, не видя иного выхода, стиснули зубы и обрушили удары.

Юньци сдавленно охнул от боли, и посохи издали глухой звук. Цзян Хуань добавил:

— Думаете, мне неведомы все ваши дворцовые хитрости? Если будете бить не в полную силу, последуют ещё восемьдесят ударов.

Стражники, исполнявшие наказание, внутренне содрогнулись, не смея больше смягчать удары, и принялись бить по-настоящему, опасаясь вызвать недовольство Цзян Хуаня.

Как только удары стали тяжелее, Юньци тут же вскрикнул от боли.

Под мерный стук посохов Цзян Хуань невозмутимо произнёс:

— «Нельзя быть одновременно верным и честным»? Если бы ты спас Тоба Фэна, тебя ждала бы казнь с истреблением девяти родов!

Юньци, стиснув зубы, стойко переносил боль. Он прерывисто проговорил:

— Шифу... прав в своих наставлениях.

Цзян Хуань продолжил:

— Тоба Фэн ударил тебя мечом, чтобы сохранить твою верность. А сейчас эти удары должны напомнить тебе, сколько раз он принимал наказание вместо тебя. Теперь пришла твоя очередь вернуть долг!

Чжу Ди наблюдал за происходящим, и уголки его губ нервно подрагивали. Очевидно, он

впервые видел столь жестокое и бесчеловечное наказание.

Обычно в армии порка ограничивалась двадцатью или сорока ударами, к тому же использовались деревянные палки.

Батоги для наказания придворных хоть и были отлиты из меди, но ими тоже ударяли не более сорока раз. Если обрушить еще больше ударов, можно запросто убить человека на месте. Где это видано, чтобы наказывали восьмьюдесятью ударами?!

Чжу Ди кашлянул и не выдержал:

— Э-э, Цзян-лао... Юньци он... может, достаточно...

Юньци уже потерял сознание от побоев.

Цзян Хуань холодно бросил:

— За каждое вмешательство добавляйте десять ударов.

Чжу Ди тут же закрыл рот.

Когда наказание наконец завершилось, ноги Юньци были сплошь в крови. На нем не осталось ни одного живого места, даже фэйюйфу превратился в лохмотья.

Цзян Хуань снова приказал:

— Двое хватайте его за руки, двое — за ноги. Бросайте!

Чжу Ди в ужасе чуть не испустил дух, он дрожащим голосом воскликнул:

— Нельзя его бросать! Цзян-лао! После такого он точно умрёт!

Цзян Хуань, поглаживая бороду, произнёс:

— Янь-ван просит за него снисхождения? Тогда бросайте дважды.

«...»

Четверо стражей подняли Юньци и с силой швырнули в лужу крови.

Юньци был без сознания, и от удара по легким его внезапно вырвало потоком крови вместе с белым, окровавленным коренным зубом. Как оказалось, он сломал его, сдерживая боль.

Чжу Ди в ужасе смотрел на Юньци, учащённо дыша.

Цзян Хуань, наконец достигнув своей цели, медленно произнёс:

— Четверо, вытрите с него кровь и принесите носилки! Доставьте его в зал Тайхэ! Этот старик идёт на аудиенцию к императору.

Чжу Ди с облегчением выдохнул, недоверчиво покачав головой.

У зала Тайхэ.

Чжу Ди стоял у дверей дворца, прислушиваясь к разговору внутри.

Чжу Юаньчжан по-прежнему чрезвычайно ценил Цзян Хуаня. Они беседовали долго, и когда Чжу Ди услышал, как Цзян Хуань тихо произнёс слова «Северная Юань», «тюрки», «шпион», камень наконец свалился у него с души.

Вскоре послышалось, как Чжу Юаньчжан сказал:

— Чжэнь* понял.

* Чжэнь (□) — император о себе.

Тогда Цзян Хуань вышел. Стражники вошли внутрь, вынесли лежащего на носилках Юньци и вернулись во двор.

Чжу Ди проверил у носа дыхание Юньци, оно было слабым.

Цзян Хуань неторопливо сказал:

— Все в порядке, его жизни ничего не угрожает. Достаньте свёрток, висящий у него на шее.

Чжу Ди развязал тканевый узелок на груди Юньци, и Цзян Хуань продолжил:

— Там лежит пилюля Кужун Цзаохуа. Дайте ему проглотить ее, и он за сутки поправится.

Чжу Ди развернул узелок и нахмурился:

— Цзян-лао, вы только что говорили о... какой-то пилюле?

Цзян Хуань застыл. Чжу Ди протянул ему узелок, чтобы тот посмотрел. Внутри лежал лишь пожелтевший бумажный амулет да тёмно-зелёная нефритовая подвеска Цилянь.

«...»

На сей раз молнией поразило Цзян Хуаня.

Дрожащим голосом он произнес:

— Даочжан Чжан... подарил ему ту чудодейственную пилюлю... Где же она? Кому Юньци ее отдал?

Чжу Ди будто молнией поразило. Они долго смотрели друг на друга, прежде чем он вымолвил:

— Вы... Цзян-лао, это не шутки. Он ведь мой шурин! Если с ним что случится, моя покорная жена*...

* Уничижительно о своей жене (□□).

Цзян Хуань разинул рот, вспомнив, насколько несносна «покорная жена» Чжу Ди. Он замер на три секунды, прежде чем завопить:

— Придворные лекари! Немедленно зовите придворных лекарей! Беда-а-а!

Беда, как известно, никогда не приходит одна. Хрупкое тельце Юньци, едва пережившее ураган, тут же настиг град. Он пострадал от большой кровопотери, а жестокие удары железными прутьями привели к смещению позвоночных дисков. И это не говоря уже о его душевных муках от превратностей судьбы. То, что он еще не умер, и впрямь можно считать чудом.

Чжу Ди, не теряя времени на молитвы богам и поклонение Будде, сначала приготовил крепкий отвар из тысячелетнего женьшеня и, разжав челюсти Юньци, влил его внутрь.

Затем он созвал консилиум из шести придворных лекарей и одновременно отправил личных стражников мчаться во весь опор, без остановки, за пределы столицы — в Пекин.

Они загнали трёх лошадей, но привезли лаковую шкатулку. В ней оказалась ледяная

красноглазая жаба* и письмо от «покорной супруги»:

* В уся-романе Цзинь Юна, действие которого происходит в конце эпохи династии Мин□□□□, ледяная красноглазая жаба (□□□□) обитает в заснеженных горах Западного края, она способна излечивать любые ранения и выводить любые яды.

«Душа моя!

Что ты натворил в прошлой жизни, что навлекло такие страдания?!

ЧЖУ ДИ!!!!!!

Если с Юнь-эром что-нибудь случится, вся наша семья Сюй, даже став призраками, не оставит тебя в покое!»

Чжу Ди почувствовал, как по спине пробежали мурашки, и спросил у стражника:

— Супруга... пока в устойчивом состоянии?

Стражник ответил:

— Госпожа собрала всех даосских и буддийских монахов Пекина. Половина читает сутры, а половина проводит даосские обряды. Во всём особняке зажжены неугасимые лампы, и весь город посажен на пост... Она сказала, что, если не получит вестей о том, что шурина в безопасности... то... то...

Чжу Ди сказал:

— Понятно.

На лбах и стражника, и самого Чжу Ди выступили три чёрные линии. Он закатил глаза, но всё же не удержался:

— То... что именно?

Стражник понизил голос:

— Сказала... что зарубит насмерть... это самое... совершит цареубийство.

Чжу Ди кивнул, понимая, что Сюй Вэнь наверняка имела в виду «зарублю насмерть всю твою

семью», куда, естественно, входил и Чжу Юаньчжан.

Из комнаты донёлся голос Жун Цина:

— Ваше Высочество, время менять повязки.

Чжу Ди взял ледяную жабу, смешал с шаоцзю* и влил в рот Юньци. От крепкого алкоголя тот сразу закашлялся. Чжу Ди поспешил поднести чашу, сам сделал глоток, а затем, обняв Юньци, осторожно передал жидкость изо рта в рот.

* Шаоцзю (白酒) — крепкая водка (50°).

После того, как Юньци проглотил целебное снадобье, он тихо простонал и, прижавшись к груди Чжу Ди, погрузился в глубокий сон.

Чжу Ди задумчиво смотрел на колеблющееся пламя масляной лампы, размышляя о чём-то своём, а затем вновь взглянул на Юньци.

Он рассеянно проговорил:

— У вас с Цин-эр... брови генерала Сюя, и глаза, словно нежный лунный свет... Какой же прекрасной должна была быть ваша мать, чтобы родить такую дивную пару — сестру и брата?

Юньци слабо зашевелился. Чжу Ди отпустил его, уложил на спину, тщательно укрыл одеялом и, ещё мгновение понаблюдав за ним, с усмешкой кивнул.

Спустя несколько дней разбрасывания Чжу Ди деньгами раны Юньци наконец начали заживать.

С юных лет, проведённых в военных походах, Чжу Ди привык всё делать своими руками. Даже будучи князем, он без жалоб ухаживал за больным. Он ежедневно менял повязки, перебинтовывал раны и давал лекарства, проявляя недюжинную сноровку.

Всякий раз, когда уставал, он дремал у кушетки Юньци, а когда испытывал голод, то ел вместе со стражами, став своим парнем. Так незаметно прошло почти две недели.

Юньци открыл глаза. В этот момент Чжу Ди как раз играл во дворе в ножной волан с несколькими стражниками. Услышав, что Юньци очнулся, он тут же бросился в комнату, едва не спотыкаясь на ходу.

— Шурин, тебе лучше? — Чжу Ди взволнованно посмотрел на мутные глаза Юньци и

неуверенно помахал перед ним пятью пальцами.

Чжу Ди показал кулак:

— Сколько пальцев?

Юньци ответил:

— Все, выйдите вон.

Комната была наполнена стражниками, и те тут же разом ретировались.

Чжу Ди в знак капитуляции поднял руки и, обиженно развернувшись, вышел за дверь.

В слабом голосе Юньци сквозила не скрываемая ярость, когда он холодно произнёс:

— Ваше Высочество, вам поистине не занимать смелости.

Чжу Ди сокрушённо вздохнул:

— Хорошо, что ты сломал не передний зуб, а то бы сейчас свистел при разговоре...

— Это ты передал ему ритуальные бумажные деньги?

Чжу Ди тут же убрал шутовское выражение лица. Юньци медленно повернул голову, встретившись с ним взглядом.

В глазах Чжу Ди мелькнуло убийственное намерение, но тут же исчезло. Юньци промолвил:

— У стены есть меч. Можешь убить меня.

Чжу Ди лишь усмехнулся в ответ:

— Не шути так. Мы же семья. Я убью кого угодно, но только не тебя.

Чжу Ди взмахнул рукавом халата и уселся на край постели, закинув левую ногу на правое колено. Похлопав по чёрному сапогу, он небрежно бросил:

— В конечном счёте, это зять виноват, что тебя тебе причинили вред. Я сохраню это в памяти,

а потом все компенсирую.

В глазах Юньци читалось лишь отвращение, когда он процедил:

— Проваливай!

Чжу Ди ничуть не рассердился, а, напротив, даже рассмеялся, с интересом разглядывая Юньци. Прищурившись, он сказал:

— Шурин, когда ты злишься, ты очень похож на свою сестру. Тебе уже говорили об этом?

Юньци не ответил и холодно спросил:

— Кем ты считал Тоба Фэна?

Чжу Ди невозмутимо ответил:

— Конечно, сыном. А кем же ещё? — Затем он снова взглянул на Юньци и, подшучивая, добавил: — У зятя в детстве не было никаких «зеленых слив и бамбуковых лошадок», не было у него и никаких любовных подарков вроде нефритовых подвесок и вышитых вееров...

Юньци внезапно взорвался, яростно закричав:

— Ты не считал его человеком. Никто не считал его человеком!

Чжу Ди перестал улыбаться и серьёзно сказал:

— Юньци, ты убедишься воочию. Ты не видел этого собственными глазами, но с тех пор, как я усыновил Тоба Фэна, все тюркские племена за Великой стеной обязаны ему своими жизнями.

— Племя волков уничтожили не по воле зятя, резню учинили беглые монголы. Я спас ему жизнь, отправил во дворец и каждый год посылал его сородичам скот. В моём доме каждый тюрк с фамилией Тоба находил защиту...

Юньци насмешливо бросил:

— Значит, если однажды станешь императором, отправишь его обратно к реке Керулен? Сколько земель, войск и женщин ты ему пообещал? Сколько скота и богатств?

Говоря это, Юньци снова прерывисто задышал от волнения. Чжу Ди поспешил поддержать его,

чтобы усадить, но Юньци, кашляя, оттолкнул его.

Чжу Ди, ничуть не обидевшись, улыбнулся:

— Я ничего ему не обещал, но в конечном счёте он получит по заслугам. Я устроил достойные похороны его соплеменникам, спас жизнь всему его роду, вырастил его до пяти лет и честно рассказал о его происхождении.

— Без малейшего утаивания. Я даже научил его тюркскому языку, чтобы он помнил, кто он. Будь на его месте ты... разве ты бы не отдал за меня жизнь?

Чжу Ди улыбнулся:

— Шурин, ты что, не знаешь характер Тоба Фэна? Тюрки по натуре очень упрямы. Хорошо к ним отнесись, и они до гроба будут тебе благодарны. А если затаят на кого обиду, то всей душой будут стремиться отомстить... Разве не таков нрав волчонка?

Юньци едко парировал:

— Был благодарен тебе до гроба за твою доброту и в итоге в награду получил чашу отравленного вина.

Чжу Ди резко изменился в лице:

— Какого отравленного вина?

Юньци нахмурился, глядя на Чжу Ди.

Выражение лица Чжу Ди стало таким, будто он сорвался в пропасть:

— Он выпил отравленное вино?!

Юньци с подозрением спросил:

— Разве это не ты прислал Хэдинхун?

Чжу Ди на мгновение потерял дар речи, затем только выдохнул:

— Он умер?!

Юньци был в полном смятении, его мысли путались. Чжу Ди вдруг схватил его за руку:

— Ты... шурин, разве ты не отпустил его?! В ту ночь, когда всё случилось, я послал людей спасти его из тюрьмы во вторую ночную стражу. Мне доложили, что тюремщик мёртв, все только произошло, ты...

Юньци попытался вырваться и взревел:

— Он не умер!

Юньци некоторое время посмотрел на Чжу Ди, затем медленно произнёс:

— В ту ночь кто-то прислал отравленное вино, чтобы убить его и устранить свидетеля. Это так странно... Кто бы это мог быть? Неужели император...?

Чжу Ди спросил:

— Чем его отравили? Куда ты его отправил?

Юньци покачал головой:

— Я дал ему пилюлю Кужун Цзаохуа, она выводит любой яд... Затем я отправил его на лодке в Янчжоу.

Чжу Ди облегчённо вздохнул:

— Позже велю ему написать тебе письмо, и тогда тебе все станет ясно.

Юньци сжал губы, на мгновение задумавшись, как вдруг голова снова начала раскалываться.

Чжу Ди повернулся за кистью и тушью, бормоча по пути:

— Ты поправляйся. Раз уж пришёл в себя, напиши весточку сестре, иначе мне до конца жизни не видать родного дома.

Гнев Юньци в большей степени поутих. Он выхватил кисть, небрежно начертал «Чжу Ди — черепашьё яйцо*» и швырнул бумагу обратно.

* Черепашьё яйцо (乌龟蛋) — обр. сволочь, ублюдок, сукин сын. Прикол в том, что китайцы в древности думали, что самки черепах спариваются со змеями, потому что ни разу не видели,

чтобы спаривались сами черепахи. Поэтому «черепаха» в переносном смысле означает рогоносец. Получается, Юньци косвенно назвал императора куколдом.

«Черепашье яйцо» искренне заметило:

— Шурин, твои слова равносильны тому, чтобы назвать черепахой нынешнего императора...

Юньци рассердился и зачеркнул иероглиф «яйцо». «Черепаха» с ухмылкой сложила записку и сунула ее за пазуху:

— Ну, я пошёл. Не скучай.

В тот миг, когда Чжу Ди повернулся, Юньци холодно бросил:

— Моя мать была звездой Терема Танцующего Тумана. Когда император брал Интяньфу*, в хаосе войны она познакомилась с моим отцом.

* Древнее название Нанкина.

Услышав это, Чжу Ди невольно обернулся. Юньци продолжил:

— Мы с сестрой — дети наложницы. Наша мать сомнительного происхождения, поэтому мне суждена жизнь собаки. Неважно, насколько я близок с внуком императора, в этом всё равно нет толку.

— Гражданские чиновники никогда не позволят мне получить титул или передать его потомкам. Не трать силы понапрасну. Если у тебя есть подобные намерения, лучше заручись поддержкой шести министерств.

Чжу Ди почесал затылок:

— А этот зять даже не знает, как звали его мать. В те годы старик воевал с Чэнь Юляном то на западе, то на востоке... Даже мою мать потерял. Теперь я признаю своей матерью императрицу Ма, но если разобраться...

Чжу Ди вернул свою обычную солдатскую ухмылку и самодовольно заявил:

— Как говорится: «пока семье не сложится, то и вместе не ужиться».

Сказав это, он язвительно добавил:

— Шурин, ты очнулся ещё при первом приёме лекарства и десять дней притворялся, будто лежишь без сознания. Видимо, лень было шевельнуться, ждал, пока этот князь тебя обслужит.

Чжу Ди развернулся и ушёл. В тот же день после полудня он покинул Нанкин со своей личной охраной.

Юньци лежал на кровати, закрыв глаза, и тихо прошептал:

— Не о чем горевать... Шисюн, береги себя.

— Хватит реветь, сколько тебе уже лет, а ведёшь себя как ребёнок...

Маленький Тоба Фэн присел у кровати, разглядывая маленького Юньци, нахмурился и недовольно сказал:

— Хватит плакать.

Маленький Юньци всхлипнул:

— У меня в семье кто-то умер... — и шмыгнул носом.

Маленький Тоба Фэн ответил:

— А.

Они некоторое время молча смотрели друг на друга, затем маленький Тоба Фэн добавил:

— У меня тоже все умерли.

Маленький Юньци снова разрыдался:

— Это мой папа умер! Мне больше не будут давать две серебряные монеты в месяц!

Маленький Тоба Фэн вновь сказал:

— А, больше не будут.

— Отчего у тебя на голове синяк? Давай, ши-гэ помассирует ее.

Маленький Юньци, весь в соплях и слезах, ответил:

— От земных поклонов...

Маленький Тоба Фэн с сочувствием погладил его по голове.

— Зови меня отцом.

«...»

Маленький Юньци искоса посмотрел на маленького Тоба Фэна, и взгляд у него был как у грязного котёнка, не особо доверяющего людям.

Маленький Тоба Фэн равнодушно сказал:

— Зови меня отцом, и, когда ши-гэ станет стражником Цзиньивэй, он всё свое жалованье будет отдавать тебе. Целых два ляна серебра в месяц.

Слово «отец» уже вертелось на языке у маленького Юньци, но так и не сорвалось. Уныло он пробормотал:

— Лучше не надо. Нельзя просто так называть кого-то отцом.

Маленький Тоба Фэн, видя что он находился в таком состоянии, будто вот-вот разрыдается, поспешил уступить:

— Не называй, я всё равно тебе их дам. Только не плачь.

— Нет... я хочу плакать.

— Отдам тебе, хочешь ты того или нет.

— Я дам тебе две серебряные монеты, только позволь мне еще немного поплакать...

— Не смей плакать.

— Уа-а-а! Ши-гэ, мой папа умер... Мой папа умер!!

С того дня маленький Тоба Фэн каждый месяц выдавал маленькому Юньци две серебряные

МОНЕТЫ.

Одному богу известно, откуда у двенадцатилетнего ребёнка могли быть деньги...

Впрочем, это неважно. С десяти до пятнадцати лет он отдавал по две монеты в месяц, итого двенадцать лянов серебра. С пятнадцати до девятнадцати лет — по два ляна серебра в месяц, обычное жалование стражника Цзиньивэй, итого девяносто шесть лянов серебра.

С девятнадцати до двадцати лет — по три ляна серебра в месяц, жалование командира Цзиньивэй, итого тридцать шесть лянов серебра.

Все заработанное Тоба Фэном за эти годы он отдавал Юньци, не прожигая бездумно ни одной монеты. Он в самом деле сдержал свое слово.

Юньци сжёг приходно-расходную книгу, безмолвно сохранив эти суммы в памяти.

Конец арки 1 — «Подвеска Цилинь»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326072>